

УДК 811.161.1
DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-127-144

**Активные процессы в синтаксисе современной
русской речи в свете лингвосемиотической
и лингвокогнитивной интерпретации**

Т. Б. Радбиль

*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия*

Аннотация

Рассматриваются способы разворачивания и синтаксической организации дискурса русскоязычного сегмента Интернета как синкретичного феномена, органично совмещающего в себе принципы актуализации устных и письменных форм коммуникации. Используются методы лингвосемиотического и лингвокогнитивного анализа дискурса как информационного потока, основанные на концепциях Ю. С. Степанова, В. З. Демьянкова, У. Чейфа и др. Материалом исследования являются текстовые данные, извлеченные из Национального корпуса русского языка и полученные методом сплошной выборки по результатам собственного интернет-мониторинга автора. Показано, что синтаксис речи в Интернете не сводится к процессу гибридизации традиционно существующих устной и письменной форм языка. В узусе информационной среды неформального Интернета вырабатываются свои нормы, которые органичны для предлагаемых в этой среде условий коммуникации. Анализируется специфическая роль синтаксических моделей парцелляции, сегментации, приема нанизывания, графических сокращений, других паравербальных средств в неформальной интернет-коммуникации. Также особое внимание уделяется своеобразию пунктуационного оформления речи в Интернете, возникновению новых пунктуационных норм. Делается вывод, что интернет-дискурс выступает как новая, пол-

© Т. Б. Радбиль, 2021

ноценная третья форма существования языка, наряду с традиционно выделяемыми устной и письменной формами.

Ключевые слова

дискурс Интернета, концепция Ю. С. Степанова, активные процессы, синтаксис русской речи, лингвосомиотический анализ, лингвокогнитивный анализ

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике» (2020–2021)

Для цитирования

Радбиль Т. Б. Активные процессы в синтаксисе современной русской речи в свете лингвосомиотической и лингвокогнитивной интерпретации // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 127–144. DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-127-144

Active Processes in the Syntax of Modern Russian Speech in the Aspect of Linguo-Semiotic and Linguo-Cognitive Interpretation

T. B. Radbil

*National Research N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

Abstract

The paper examines the ways of implementation and syntactic organization of the discourse of the Russian segment of the Internet as a syncretic phenomenon that organically combines the principles of actualizing oral and written forms of communication. The methods of linguosemiotic and linguo-cognitive analysis of discourse as an information flow, based on the ideas of Yu. S. Stepanov, V. Z. Demyankov, U. Chafe and others are applied in the work. The research material is text data extracted from the Russian National Corpus and obtained by the method of continuous sampling based on the results of the author's own Internet monitoring. The study shows that the syntax of Internet speech is not reduced to the process of hybridization of traditionally existing oral and written forms of language existence. In the usus of the information environment of the informal Internet, their own norms are developed, which are organic for the conditions of communication offered in this environment. The specific role of syntactic models of parcelling, segmentation, stringing techniques, graphic abbreviations, and other paraverbal means in informal Internet communication is analyzed. Also, special attention is paid to the originality of the punctuation design of speech on the Internet, the emergence of new punctuation norms.

The author came at a conclusion that the Internet discourse is a new equal third form of language existence, along with the traditionally distinguished oral and written forms.

Keywords

Internet discourse, Yu. S. Stepanov's theory, active processes, syntax of Russian speech, linguo-semiotic analysis, linguo-cognitive analysis

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR and FRLC, project no. 20-512-23003 "Active processes in Modern Russian and their research in Russian and Hungarian linguistics"

For citation

Radbil T. B. Active Processes in the Syntax of Modern Russian Speech in the Aspect of Linguo-Semiotic and Linguo-Cognitive Interpretation. *Critique and Semiotics*, 2021, no. 1, p. 127–144. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-127-144

Введение: к постановке проблемы

Речь в настоящей работе пойдет не столько о синтаксисе в традиционном понимании, которое всё-таки в значительной степени опирается на принципы организации письменной речи, сколько о способах разворачивания дискурса в условиях новых коммуникативных потребностей, а именно в условиях неформальной интернет-коммуникации. Иначе говоря, мы попытаемся рассмотреть, как ведет себя в Интернете, обретая разные структурно-синтаксические формы, информационный поток, понимаемый в духе У. Чейфа [Chafe, 1994].

Цель исследования – проанализировать способы разворачивания и синтаксической организации дискурса русскоязычного сегмента Интернета как синкретичного феномена, органично совмещающего в себе принципы актуализации устных и письменных форм коммуникации.

Материалом исследования являются текстовые данные: (1) извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ); (2) полученные методом сплошной выборки по результатам собственного интернет-мониторинга автора (ИМ).

Описание методологии исследования и обоснование концепции работы

Исследование во многом опирается на принципы анализа и интерпретации дискурса, заложенные в трудах Ю. С. Степанова [1995; 2001], и на

опыт комплексного лингвокогнитивного описания и лингвокультурологической интерпретации активных процессов в русском языке на разных уровнях языковой системы [Радбиль и др., 2020].

Итак, каковы они, эти специфические способы разворачивания интернет-дискурса? Во многом наши ответы на этот вопрос основаны на идеях Ю. С. Степанова, который в духе новейшей когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания, даже предвосхищая сам этап становления этой парадигмы, предлагает прагматически ориентированную концепцию “*Loquor, ergo sum*”, рассматривающую «человека как автора событий, хотя эти события и заключаются в говорении» [Степанов, 2001, с. 35].

Действительно, размышляя о специфике языкового существования в среде Интернета, мы не можем не видеть, что имеем дело именно с особым типом дискурса как раз в степановском смысле. Ю. С. Степанов провидчески указывал, что «дискурс – это “язык в языке”, но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей “грамматики” и своего “лексикона”, как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир» [1995, с. 44].

Все особенности лексики и грамматики, контента и стиля в неформальной интернет-коммуникации выступают как производные от особенностей его прагматической, т. е., по сути, когнитивно-дискурсивной организации, включающей такие элементы, как «излагаемые события, их участники, перформативная информация и “не-события”, т. е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [Демьянков, 1982, с. 7] (приводится по: [Степанов, 2001, с. 38]). Это понимание вполне коррелирует с уже устоявшейся интерпретацией дискурса в трудах Т. ван Дейка, который трактует дискурс через центральное понятие «коммуникативное событие»: «...дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [1989, с. 121–122].

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой специфику синтаксической организации неформальной интернет-коммуникации нельзя трактовать исходя из внешних по отношению к ней параметров, но следует

судить ее по ее собственным же законам, исходя из ингерентных условий ее протекания.

Так, например, с позиций развиваемой нами теории языковой аномальности [Радбиль, 2007] все рассматриваемые нами в работе явления мы могли бы трактовать как синтаксические аномалии. Вот яркий образец интернет-дискурса, где собран целый «пучок» таких аномалий:

- (1) Вроде же limited edition было, или я опять ошибаюсь? Короче, киньте в меня ссылкой на них, пжлст! (НКРЯ – Красота, здоровье, отдых: Косметика и парфюм (форум) (2004)).

Однако трактовка таких примеров как синтаксических аномалий может быть справедлива лишь по отношению к внешней точке отсчета – нормам и правилам русской литературной письменной речи. Не логичнее ли было бы предположить, что в синтаксисе речи в Интернете, в ее, так сказать, узусе, вырабатываются свои нормы, которые органичны для предлагаемых в этой среде условий коммуникации? Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать, рассмотрев особенности синтаксической организации речи в неформальной интернет-коммуникации в лингвосомиотическом и лингвокогнитивном аспектах.

Особенности синтаксической организации и пунктуационного оформления речи в неформальной интернет-коммуникации

Приведем еще один примечательный фрагмент речи из неформальной интернет-коммуникации:

- (2) ой, вы дважды ошиблись. :) первый раз, когда решили, что «МУЖЧИНАМ ПРАВИТЬСЯ», а второй, что «НЕ ПРАВИТЬСЯ»... все индивидуально:) и (имхо) при первых близких отношениях лучше присмотреться, тогда вы сами поймете, что кому ПРА или НЕПРА. :) ¹ (НКРЯ – Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004)).

В этом примере в изобилии представлено всё то, что режет нам, просвещенным лингвистам, глаз на дисплее компьютера, когда мы встречаемся с образцами неформальной интернет-коммуникации, – отсутствие запятых, прописных букв, обрыв фразы, рассогласования, причудливые и не-

¹ Здесь и далее в примерах из Интернета сохранены орфография и пунктуация оригинала, например, распространенное в языке сети отсутствие прописных букв в начале предложения и пр.

привычные знаки препинания и пр. Начнем с того, что всё это не является следствием недостаточной языковой компетенции коммуникантов, их неуважения к нормам литературного языка и правилам орфографии и пунктуации, их, наконец, просто небрежности и спешки. Всё это (и многое другое в Интернете) выступает в качестве рефлексов приспособления коммуникантов к специфическим обстоятельствам речевого взаимодействия через специфический канал связи и в ограниченные временные рамки.

Так, в неформальной интернет-коммуникации мы часто встречаем фрагменты, которые смело можно определять по рангу «потока сознания» как приема модернистского художественного дискурса (в примере ниже мы вообще видим только один знак препинания – слеш, как в транскрипции синтагм устной речи):

- (3) ни разу за всю жизнь я не повысил голоса на маму только я обязан маме и папе в этой жизни и больше никому ни жене ни детям / если мужик говорит что он обязан жене и детям он олень а не мужик (ИМ – URL: <https://my.mail.ru/community/girls.blog/>).

Не будем упрекать пользователя в недостаточной пунктуационной грамотности, тем более что в других фрагментах форума он показывает, что по крайней мере с запятыми в ладу. Возможно, здесь мы имеем дело с реализацией специфических интенций, связанных со спонтанным выражением расчлененной мысли, которая оформляется прямо в момент говорения (в нашем случае – набора на клавиатуре компьютера). Ведь и процесс мышления, и соответствующий ему акт устной речи не знают запятых и точек: там только паузы, а в данном фрагменте дискурса они как раз обозначены.

Просто мысль обгоняет набор на клавиатуре (в устной речи этой проблемы нет – мы говорим быстрее, чем пишем). Оперирование языком как бы приспособливается к этому обстоятельству, убирая всё незначимое (точки, запятые, незначащие элементы слова и пр.).

С лингвокогнитивной точки зрения в подобных случаях мы имеем дело с фиксацией самого процесса становления мысли, во всех его ответвлениях, спотыканиях, нерелексируемых самоповторах и самоперебивах:

- (4) На улицу мы вышли погулять на 9-й день, но у меня всё так болело, что долго не нагуляешься:-) К врачу надо было идти через 2 недели, это был наш первый выезд в общественное место:-) А в ресторан, праздновать, мы пошли на 17-й день – у мужа был День Рождения:-) А потом понеслось... :-) Еще раз хочу отметить:-) Если бы не моя усталость, выбрались

бы с детём и раньше:-) Так что смотрите по своему состоянию:-) А приметы, ИМХО – ерунда:-) (НКРЯ – Наши дети: Малыши до года (форум) (2004)).

Здесь слово встречается с жизнью напрямую, пусть и внешне – опосредованно через дисплей и клавиатуру компьютера. Но современный человек ведь уже привык, что у него, как у пианиста, пальцы лишь продолжение клавиш. Дигитальный способ коммуникации как раз и порождает особый дискурс в степановско-демянковско-дейковском смысле. Дискурс как тип рече-мысле-жизне-действия.

Когда мысль уже, так сказать, приняла окончательные формы, она излагается в режиме спокойного временного дистанцирования, т. е. в модусе стандартного нарратива. И тогда волшебным образом возвращаются, встают на свои места и знаки препинания:

- (5) Я часто пишу о том, что выступаю против курения. Но сегодня даже день специальный! Вот губернатор Пензенской области вообще решил увольнять курящих чиновников. И я не считаю это дискриминацией. Если посчитать меру Василия Бочкарева дискриминацией, тогда и наркоторговцев ущемляют в праве продавать людям отраву и получать от нее удовольствие (НКРЯ – коллективный. Форум: Всемирный день отказа от курения (2011)).

Той же цели актуализации самого процесса становления мысли служат и такие явления, которые условно можно именовать «**нанизывание**». В мировой культуре модель нанизывания синтагм и фразем хорошо известна по древним текстам, которые лишь в современной редакции удостоились современной пунктуации с точками и другими знаками конца предложения.

Неформальная русскоязычная интернет-коммуникация буквально заполонена такими «нанизываниями»:

- (6) ну и славно, что не полный:) берете снимки свои, и едите к ортопеду (ну договоритесь в ортопедическом отделении или травматологии... хотя (имхо), в ортопедии они более разумны и аккуратны. ибо в травмпунктах врачи более задерганы:) в зависимости от снимка (состояния связок) вам наложат лангету или сделают жесткую повязку. Просто жесткий голеностоп более удобен и легок, но, как найдет – смените. Лангета снимается запросто:) Опирация вам не нужна в этом случае (НКРЯ – Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005)).

А в приведенном ниже примере характерно оформление структуры нанизывания многоточиями (причем точки даже четыре, а не три, как положено), которые как бы сигнализируют о возникновении нового фрагмента мысли:

- (7) ну забивать есть каму... тот же Руополо вроде неплохой нападаец, просто влиться в команду он ещё не успел, а вот на следующий год уже можно будет сказать, есть от него толк или нет... так же есть Лебеденко, но он игрок сырой ИМХО у него вроде есть все задатки вырасти в неплохого форварда, но сможет и он их раскрыть, вот в чем вопрос... а то получится как с Булькиным, все кричали что за этим игроком будущее нашего футбола и в итоге это будущее шас некаму ненужно (НКРЯ – Футбол-4 (форум) (2005)).

Но иногда подобное нанизывание оформляется специфически – «интернетской» пунктуацией, например, знаками «+», как в следующем примере:

- (8) И если в школе постараться, то в универе довольно легко учиться, ибо там уже идет совершенствование приобретенных знаний + в универе контроль не такой как в школе, там ты уже учишься для себя полностью + в универе уже идут в основном профильные предметы, которые мы сами выбираем для изучения, и по идее они должны быть интересны. Так что **имхо** школа сложнее) ... (НКРЯ – коллективный. Форум: Школа или универ где легче?) (2006)).

Также специфично в этом плане и использование приема, применительно к синтаксису письменной речи именуемого «**парцелляция**»:

- (9) ИМХО (только чур не ругать меня) – им просто повезло... с соперниками... аравийцы оказали ЕЩЕ слабее, чем украинцы (НКРЯ – Гооооо! (2006))

В примере (9) парцелляция оформлена многоточиями. Но возможны и специфически «интернетские» варианты пунктуационного оформления парцелляции (одной или несколькими закрывающими скобками):

- (10) Парковаться? ИМХО, движение в потоке самое главное. Будущая жена, я пока с МЧ езжу учусь, у него ангельское терпение))) а планирую вообще с инструктором конечно, совершенно согласна, что езда по пустынным окраинам я самому главному не научусь (НКРЯ – Учимся водить (2007–2008)).

В интернет-дискурсе у парцелляции совсем иные функции – это не стилистическое средство выразительности, не вишенка на торте в формате экспрессивного синтаксиса. То, что очень похоже на парцелляцию, на самом деле имеет когнитивный источник – так, порциями, квантами смысла, разворачивается мысль в дискурсе, клауза за клаузой, по У. Чейфу [Chafe, 1994], так наша мысль с помощью слова последовательно сканирует реальность, подлежащую ословливанию, для объективации того, что мы насканировали, чтобы сообщить мысль другому:

- (11) И есть ли вообще в школах настоящие женщины? Уверен, что да, есть. И не мало. А быть настоящей женщиной да еще в школе тру-у-удно. Просто «жуть» как трудно. Выглядеть надо? Иначе быстро перейдешь в разряд «д», «т» или того хуже – «б». А когда и на что? Как им это удастся – загадка. Почтище НЛО. А за себя постоять надо? НАДО? Иначе затопчут и не заметят, что настоящая (НКРЯ – коллективный. Форум: Мужчина в школе (Взгляд на Мужчину в школе снаружи и изнутри) (2011)).

Это вынужденная парцелляция, потому что мне в один момент времени в голову больше одной идеи прийти не может. Я моим разумом квантованно сканирую действительность, кусочками, порциями, так сказать, покадрово, так как существует сформулированное У. Чейфом когнитивное ограничение – в одной интонационной единице (клаузе), которая соответствует текущему фокусу сознания, не может быть больше одного элемента новой информации [Chafe, 1994].

Сходные функции в интернет-коммуникации выполняет и другой прием экспрессивного синтаксиса – «**сегментация**» как вынесение в препозицию рематического компонента высказывания при его рассогласовании в структуре предложения (вообще сегментация очень часто встречается и в обычной устной речи):

- (12) ну **драконы** не так страшно, а вот мистика пострашней ИМХО. мой в своё время читал Кинга. я была в шоке. но ниче, переболел, шас ваще его не воспринимает. это же может быть издержки определённого возраста. пока думаю, дёргаться не стоит, а вот в курсе быть надо (НКРЯ – Наши дети: Подростки (2004)).

Здесь также мы имеем дело не просто с приемом экспрессивного синтаксиса, а с когнитивной операцией акцентирования обсуждаемой темы – как установление точки отсчета для дальнейшего изложения.

Сегодня не случайно многие говорят о становлении в интернет-среде новой формы существования языка, наряду с двумя традиционно выделяемыми – устной и письменной речью, которые, как известно, противопоставлены друг другу не формально, а субстанционально и функционально. Точно так же субстанционально и функционально противопоставлен этим формам интернет-дискурс. Здесь как раз опять же очень подходит термин *дискурс* в демьянковско-степановско-дейковском смысле.

Только имеются серьезные возражения насчет определения этой новой формы как «смешанной», «гибридной», «устно-письменной» типа «устная по сути, письменная по форме» речь и пр. Мы же не считаем, например, смешанной формой художественный дискурс на том основании, что в нём соприкасаются литературные и нелитературные, книжные и разговорные, просторечные, диалектные и жаргонные элементы.

Интернет-коммуникация как раз не гибридная в том плане, что в ней не смешиваются модели устной и письменной речи. В ней отсутствующие в одной форме возможности выражения компенсируются посредством элементов другой формы – причем не только письменной, но и графической, анимационной, музыкальной и пр. Так сказать, «графическая» специфика интернет-коммуникации видна даже визуально, в сравнении, например, с пьесой, которая лишь имитирует разговорную коммуникацию, но по сути есть продукт письменной речи.

«Эмоциональная температура» интернет-дискурса гораздо выше, чем в стандартной письменной коммуникации, и сближается с неформальной обычной устно-разговорной коммуникацией. В глазах рябит от прописных букв, разрядок, подчеркиваний, многоточий, смайликов. Только здесь возможно использование десяти подряд восклицательных знаков (или знаков вопросительных, или одинарных скобок) – такого нет, когда читаешь обычные пьесы. Что-то подобное возможно в рекламе или в художественных творениях авангардистов:

- (13) не спят! только думаю, рановато вы заикнулись (ИМХО). и вообще, чем больше будете этому уделять внимание, тем больше вызовите его интерес. просто наблюдайте, а уж при возможности пусть конечно папа с ним говорит, и не навязчиво, а в плане беседы. мне со своим пришлось самой беседовать-))))))))). но не в таком возрасте, а лет в 12-13 (НКРЯ – Наши дети: Подростки (2004)).

Перед нами именно полноценная третья форма существования языка, наряду с двумя традиционно выделяемыми – устной и письменной. И осо-

бий, соответствующий ей тип дискурса. Дискурс, чтобы быть дискурсом, нуждается в экстралингвистической составляющей. В частности, необходимым элементом коммуникативной ситуации является невербальная эмпатия между говорящим и адресатом. В ситуации обычного спонтанного устного речевого взаимодействия эту роль берут на себя паравербальные, просодические, кинесические средства, мимика, жест, поза, проксемика и пр.

В интернет-дискурсе недостаток эмпатии компенсируется разного рода графическими элементами, в частности эмоджиконами, которые выступают не только в роли, так сказать, необязательных экспрессивных довесков к сообщению, но и в функции синтаксического членения речи, т. е. в роли своеобразных знаков препинания:

- (14) Да, приходится часа 3 попытеть, пока Дая спит:-) а лучше всего, заранее придумывать тему к каждой фотке, я помню те, которые мне нравятся и ночью, пока засыпаю, придумываю тему, а потом утром, сочиняю коммент:-) Но у меня получается придумывать только к нестандартным фоткам (т. е. смешным):-) К стильным, как у Мамы Макса и других наших девочек, мне трудно, что-то придумать: -) Да и спешу за них проголосовать поскорее, а комменты сочиняю в последний день:-:-) (НКРЯ – Наши дети: Малыши до года (форум) (2004)).

Коммуниканты словно чувствуют барьер, поставленный спецификой канала коммуникации – компьютера. Им не хватает эмпатии, выяснения отношений, ведь мы не можем включить интонацию, другие средства просодии. Страдает столь важная для высококонтекстных культур (к которым относится и русская) категория искренности – ведь письменная речь как бы овнешняет формат общения, создает дистанцию между коммуникантами, не позволяет им обмениваться, так сказать, интенциональными состояниями непосредственно. Все новые выразительные средства, созданные в Интернете, – это, по сути, поиск путей и средств к устранению дистанции между коммуникантами, к устранению преград, поставленных дисплеем, а также взаимной удаленностью коммуникантов в пространстве и во времени.

Что это за новая пунктуация? Это эмоциональная пунктуация, где между клаузами ставится символ эмоджикона (смайлика). Превращение этого, по сути, пунктуационного иероглифа в полноценный знак пунктуации доказывается его графической эволюцией. Двоеточие, тире и закрывающую скобку набирать долго. Поэтому этот комплекс редуцируется до одной закрывающей скобки (знак «одна скобка» вообще невозможен в традици-

онной пунктуации, так как скобки – знак выделительный). В интернет-дискурсе это знак разделительный, знак паузы между клаузами (типа точки или многоточия):

- (15) Мне однозначно школа больше нравится) хотя бы потому, что урок 40 минут идёт) ну и нагрузка поменьше) если меня сейчас в школу отправить, я отличницей стану) (НКРЯ – коллективный. Форум: Универ (институт) VS школа. Плюсы и минусы. Где в итоге лучше и почему? (2011)).

Есть даже такое «усиление» этого знака за счет увеличения количества закрывающих скобок – до трех (соответствует трем восклицательным знакам в обычной письменной речи):

- (16) А Вы верите отчёту менеджеров метро?))) ИМХО, врут! ret. И меня терзают смутные сомнения, что врут (НКРЯ – коллективный. Форум: Бесплатный проезд обойдется в 34,4 млрд (2012)).

В принципе количество этих скобок вообще ничем не ограничено:

- (17) мне со своим пришлось самой беседовать-)))))). но не в таком возрасте, а лет в 12-13 (НКРЯ – Наши дети: Подростки (2004)).

Этой же цели служат и новые метатекстовые элементы, типа *ИМХО*, что (с онтологической точки зрения) вполне можно расценивать как слова-«паразиты», которые всегда были прерогативой исключительно устной некодифицированной речи. Теперь они активны и в интернет-коммуникации:

- (18) А у меня нет косметички:) На полках стоят помады, духи, карандаш для губ, молочко для лица, тоник, салициловый спирт (от прыщей) и больше ничего:) Анонимность автора: его право, ИМХО (НКРЯ – Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)).

Как было уже сказано, важна не только эмоциональная сторона общения, но и информационная. Этой цели во многом служит **коммуникативное (актуальное, тема-рематическое) членение речи**. В письменной речи средствами его выражения являются порядок слов, специальные слова и выражения, знаки препинания выделительного характера. В устной речи – словесное ударение и интонация.

В интернет-коммуникации рождаются собственные средства выделения ремы: капитализация, использование латиницы подчеркивание и / или разрядка, курсив, выделение жирным шрифтом:

- (19) для сильно разочарованных есть ТЕЛЕФОН ДОВЕРИЯ... там модераторы следят, что б суицидника не расстраивали, а тут – уж слушайте ВСЕ мнения:) это, имхо, справедливо:) (НКРЯ – Женщина + мужчина: Психология любви (форум) (2004)).

Нами было обнаружено даже вот такое экзотическое средство – повтор букв в слове:

- (20) «Маллловато будет» имха)) Чем объясняет муж отсутствие более частого влечения к законной жене? (НКРЯ – Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004));
- (21) Блиииииииии. Саш!!!! это ужасно! (НКРЯ – Переписка в icq между agd-ardin и Колючий друг (2008.01.16)).

Другой стороной своеобразия в реализации функции обмена информацией в интернет-среде в условиях дефицита времени является необходимость формализации, автоматизации избыточных в информационном плане, повторяющихся элементов речи. Эта задача решается в синтаксисе интернет-коммуникации разнообразными средствами – либо графической заменой элементом иного кода (эмодзи), либо – чаще всего – сокращениями. Это, на наш взгляд, также явление, присущее исключительно интернет-дискурсу и не имеющее именно в таком виде аналогов ни в устной, ни в письменной форме (где на сокращения слов накладываются жесткие орфографические ограничения).

Это могут быть сокращения, условно говоря, «по правилам»:

- (22) Послушала, правда **не оч.** внимательно, ибо дети отвлекают и кричат тут рядом. Что имею сказать. Это все, может, и правильно и, наверное, у кого-то работает (НКРЯ – коллективный. Форум: Вопрос про себя (2012))
- (23) я не хожу, нет денег:) была у косметолога как-то, когда прыщи лечила, но она принимала в небольшом кабинете, не салоне:) на маникюр и педикюр не хоцца тратить средства... стрижки делаю нормально и дешево-ле гораздо в обычных **парик-х**, салоны, имхо. не особо-то лучше... (НКРЯ – Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)).

Но чаще всего сокращения в Интернете делаются не в соответствии с нормами письменной речи:

- (24) Но она вдвойне вредна, потому что большинство хозяек ввиду большой занятости или просто не догадываются, что нужно очень тщательно смывать и сред. д/ **мытья** посуды, и порошок. А как они загрязняют

окр. среду! Не нужно, конечно, отказываться полностью от химии, но нужно искать им альтернативу: порошок и средство д/ **мытья** посуды можно заменит обычным **хоз.** (НКРЯ – коллективный. Форум: Моющие средства (альтернатива) (2010));

- (25) Ну хорошо тогда, нас тоже в известность с прилетом аиста, **пжлст.** (НКРЯ – Наши дети: Дошколята и младшие школьники (форум) (2005)).

Перед нами – стихийно выработанные нормы графических сокращений именно сетикета, именно интернет-коммуникации, новая, так сказать, конвенциональность (*имхо, пжлст, спсб, с др* и проч.):

- (26) Подкиньте кто шмоток **пжлст** буду благодарен) [ИМ – URL: https://learnwithportals.com/groups/dota2_b/discussions/];
- (27) Но не написано, после уволен или нет! **Спсб**, добавили [ИМ – URL: <https://twitter.com/meduzaproject/>];
- (28) Алексей, хоть лично не знаком, позволь присоединиться к многочисленным поздравляющим тебя с **ДР!** Всего-всего и даже больше! (ИМ – URL: <https://akademekb.ru/t/428/page/84/go/592900>).

Чтобы показать наглядно несводимость неформальной интернет-коммуникации к письменной речи (пусть и формально-письменной), мы провели небольшой эксперимент: взяли «необработанный кусок» из интернет-пространства (жирным шрифтом выделены маркеры интернет-дискурса):

- (29.1) На улицу мы вышли погулять на 9-й день, но у меня всё так болело, что долго **не нагуляешься:-)** К врачу надо было идти через 2 недели, это был наш первый выезд в общественное место:-) А в ресторан, праздновать, мы пошли на 17-й день – у мужа был День Рождения:-) А потом понеслось... :-) Еще раз хочу отметить:-) Если бы не моя усталость, выбрались бы с **детём** и раньше:-) Так что смотрите по своему состоянию:-) А приметы, **ИМХО** – ерунда:-) (НКРЯ – Наши дети: Малыши до года (форум) (2004)).

Затем мы привели его в соответствие стандартным нормам пунктуации письменной речи, правилам русского синтаксиса и пунктуации, – убрали повторы, алогизмы, обрывы, поменяли в некоторых местах порядок слов, устранили ненормативную парцелляцию для придаточных предложений и пр. Вот что у нас получилось (жирным шрифтом выделены сегменты, где произведена замена):

(29.2) На девятый день мы вышли погулять на улицу. У меня все так болело, что долго гулять **не смогла**. Через две недели надо было идти к врачу. Это был наш первый выезд в общественное место. На 17-й день мы пошли праздновать в ресторан – у мужа был день рождения. А потом понеслось...

Еще раз хочу отметить, что, если бы не моя усталость, выбрались бы с ребенком на улицу и раньше, так что смотрите по своему состоянию. **А верить** в приметы, **по-моему**, – это ерунда.

Отметим, что при всей «приглаженности», речевой правильности преобразованного текста, что-то в результате исправления безвозвратно уходит. Что-то не то с новым текстом. Кажется, то, что у нас получилось, – это фрагмент размеренного и неторопливого письма подруге, остраненного, овнешненного, дистанцированного от адресата, но никак не становящийся необработанный поток спонтанного выражения мыслей. После перестройки исходного «неприглаженного» фрагмента неформальной интернет-коммуникации на выходе получился вполне обычный нарратив с субъектом повествования, отделенным от адресата во времени и пространстве, – вместо синхронного субъекта речи в ситуации симультанного речевого взаимодействия с ее адресатом.

В наших предыдущих работах мы рассуждали о противопоставлении лирики и нарратива как двух способов концептуализации реальности [Радбиль, 2019]. В контексте этих рассуждений дискурс неформального Интернета тяготеет к лирике, хотя и с вкраплениями наррации (в отличие от обычной письменной речи).

Вместо заключения

Хочется наметить пути для дальнейшего продолжения обсуждения проблемы. Приведем неоднократно цитировавшиеся слова Ю. С. Степанова о дискурсе, которые исключительно актуальны как раз применительно к проанализированному материалу по дискурсивной актуализации неформальной интернет-коммуникации: «В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимических замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – “возможный (альтернативный) мир” в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из “возможных миров”. Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса “Язык – дом духа” и, в известной мере, тезиса “Язык – дом бытия”» [1995, с. 38].

Интернет-дискурс, который и на самом деле разворачивается в виртуальной реальности общения и тем самым заводит свои правила истинности, свой этикет и пр., в полной мере демонстрирует справедливость слов Ю. С. Степанова. Не случайно именно ему принадлежит афористическая формулировка: «Дискурс – это пространство мысли».

Словно наш язык, попав в зависимость от канала коммуникации и внеязыковых обстоятельств дигитального формата порождения и рецепции речи, сам, методом проб и ошибок, нащупывает, ищет и находит формы разворачивания дискурса, адекватные новым условиям общения. Точнее, конечно, это делают люди, оперирующие языком, ища и обретая новую конвенциональность в новых для человечества обстоятельствах речевого взаимодействия «на удаленном доступе», «в дистанте» и пр.

Список литературы

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Сб. ст / Сост. В. В. Петров; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 310 с.

Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. М.: ВЦП, 1982. Вып. 2: Методы анализа текста; ВЦП ГКНТ и АН СССР. Тетради новых терминов, 39. 288 с.

Радбиль Т. Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 239–265.

Радбиль Т. Б. Лирика и наррация как две версии когнитивного моделирования реальности // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 171–182. DOI 10.25205/2307-1737-2019-2-171-182

Радбиль Т. Б., Гранева И. Ю., Наговицына Н. В. Культурная оппозиция «свое – чужое»: русские личные и притяжательные местоимения в языковом воплощении лексического концепта «патриотизм» // Przegląd wschodnioeuropejski. 2020. № 11 / 1. С. 397–405.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.

Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5–36.

Chafe W. Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. 392 p.

References

Chafe W. *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago, University of Chicago Press, 1994, 392 p.

Demyankov V. Z. *Anglo-russkie terminy po prikladnoy lingvistike i avtomaticheskoy pererabotke teksta [English-Russian Terms in Applied Linguistics and Automatic Text Processing]*. Moscow, VTsP Publ., 1982, iss. 2: Methods of Text Analysis, VTsP GKNT and USSR Academy of Sciences. Notebooks of new terms, 39, 288 p. (in Russ.)

Dijk T. A. van. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya [Language. Cognition. Communication]*. Comp. by V. V. Petrov, transl. ed. by V. I. Gerasimov, intr. by Yu. N. Karaulov, V. V. Petrov. Moscow, Progress Publ., 1989, 310 p. (in Russ.)

Radbil T. B. *Anomalii v sfere yazykovoy kontseptualizatsii mira [Anomalies in the field of linguistic conceptualization of the world]*. *Russian Language and Linguistic Theory*, 2007, no. 1 (13), p. 239–265. (in Russ.)

Radbil T. B. *Lirika i narratsiya kak dve versii kognitivnogo modelirovaniya real'nosti [Lyrics and narration as two versions of cognitive modeling of reality]*. *Critique and Semiotics*, 2019, no. 2, p. 171–182. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2019-2-171-182

Radbil T. B., Graneva I. Yu., Nagovitsyna N. V. *Kul'turnaya oppozitsiya "svoe – chuzhoe": russkie lichnye i prityazhatel'nye mestoimeniya v yazykovom voploshchenii leksicheskogo kontsepta "patriotism" [Russian personal and possessive pronouns in the linguistic embodiment of the lexical concept "patriotism"]*. *East-European Review*, 2020, no. 11–1, p. 397–405. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. *Al'ternativnyy mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti [Alternative world, Discourse, Fact and the principle of Causality]*. In: *Yazyk i nauka kontsa XX veka [A Language and Science of the End of the 20th Century]*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1995, p. 35–73. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. *V mire semiotiki [In the world of semiotics]*. In: *Semiotika: Antologiya [Semiotics. Anthology]*. Comp. by Yu. S. Stepanov. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ.; Ekaterinburg, Delovaya kniga Publ., 2001, p. 5–36. (in Russ.)

Сведения об авторе

Радбиль Тимур Беньюминович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

timur@radbil.ru

SPIN-code 2835-0370

ORCID 0000-0002-7516-6705

WoS ResearcherID AAO-6983-2020

Scopus AuthorID 57210390493

Information about the Author

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Theoretical and Applied Linguistics, The Institute of Philology and Journalism, The National Research N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

timur@radbil.ru

SPIN-code 2835-0370

ORCID 0000-0002-7516-6705

WoS ResearcherID AAO-6983-2020

Scopus AuthorID 57210390493